

**«...ЕСЛИ ДАЖЕ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ЗА РЕШЕНИЕ
КАКОГО-ТО ВОПРОСА БЕРУТСЯ НЕ СПЕЦИАЛИСТЫ,
НИЧЕГО ПУТНОГО ОТ ЭТОГО НЕ ВЫХОДИТ»:**

*Интервью В. Н. Гурковича от 30. 10. 2019 г.
Подг. текста – А. Ю. Манаев, Н. С. Дружинина*

Владимир Николаевич, расскажите немного о себе, где учились, работали, так сказать вехи большого пути.

Начну кратко о своей жизни и отвечу на вопрос, почему я стал историком. Я родился в 1945 году. И где-то уже с 4-5 лет помню отзвуки этой войны. Большое количество людей тогда ещё ходили в военных мундирах. Без погон, без регалий, но с орденами и медалями. Ребята, с которыми я учился в школе, всегда гордились, если у них была отцовская пилотка. А самое шикарное, если отец был танкистом или авиатором. И носили танковый или авиационный шлем в школу.

Мы читали книги о войне, видели фильмы. В начале 50-х годов было не очень много военных фильмов. И я тогда заметил, что ветераны войны, в частности и мой отец, не ахти как восторженно встречают эти фильмы: «А, – махали многие ветераны, – это как в кино». Это и любимое выражение моего отца было.

Я сразу сделаю ставку, что мой отец сыграл большую роль в формировании меня как историка, несмотря на то, что никакого отношения к истории не имел. Он родился в 1901 году в Белоруссии. В 1919 году был призван в Красную армию и всю жизнь прослужил в авиации. Начал он с моториста и шофёра, а закончил генерал-майором инженерно-авиационной службы в ВВС Таврического военного округа.

Таврический военный округ, организованный после войны, повторял полностью границы Таврической губернии до 1920 года. Поэтому некоторые аэродромы располагались за пределами Крыма, на территории нынешней Херсонской области. Я любил ездить с отцом по этим аэродромам. Потому что каждый раз, если была возможность, и был облёт самолётов, отец меня приглашал, брал с собой для того, чтобы посмотреть на Крым сверху. И я уже где-то в 6–7 лет, как раз на рубеже, когда пошёл в школу, помню эти первые полёты. И сверху видел Крым, даже значительную часть Крыма, то есть летел где-то над Симферополем, видел море в районе, допустим, Евпатории. Это я познал сверху Крым. И увидел, что он не такой уж большой.

А потом получилось так, что жил я в этом доме (по ул. Крылова, 9, кв. 2 – Прим. авт.). Большая часть жизни с 1951 года прошла здесь. И это тоже памятное место, которое сформировало моё отношение к будущей профессии и к жизни. Мы вот находимся сейчас на территории старого симферопольского кладбища. Это знаменитое кладбище, описанное в ИТУАКе, в 55-м номере за 1918 год, в статье Арсения Маркевича «Старое христианское кладбище в Симферополе» и во второй статье Чеха «Опыт исследования старого Симферопольского кладбища». Они

тандемом великолепно сделали обработку. Тем более, что кладбище было разрушено в советский период, в 30-е годы, полностью. И кроме этого описания по существу ничего нет. Надо отметить, что кладбище не повезло с фотографической точки зрения. Я, например, не видел ни одной фотографии аллеи кладбища, наиболее выдающихся памятников и той церкви, которая была буквально в 25-ти метрах от нашего дома.

Здесь были похоронены очень интересные люди. В частности Елена Шидянская, «амазонка», которая встречала императрицу Екатерину II под Балаклавой. Я об этом слышал, мне рассказывали об этом. Все это вместе давало толчок: и Великая Отечественная война, и шлемы, и каски, и раритеты военные, и так далее. Вот почему я стал историком.

Тематика Ваших исследований достаточно широкая. И что в принципе подтолкнуло к изучению охраны культурного наследия в этот период?

В 1963 году я окончил 14-ю среднюю школу, которая буквально за забором находится. И поступил на исторический факультет нашего университета. Он тогда назывался историко-филологический факультет. Первые два года мы занимались по совместной программе. Мы учили и исторические дисциплины, и вспомогательные дисциплины, и литературу, и русский язык одновременно.

Учась в институте, я окончил курсы инструкторов туризма. И профессионально водил туристов, которые приезжали со всего Советского Союза по горам Крыма. Это были места, связанные и с партизанским движением, и просто очень красивые места Крыма. Это дало мне толчок изучать исторические памятники.

Потом Вы стали профессиональным историком-краеведом. Вы работали в «Укрпроектреставрации»?

После окончания института непродолжительное время я работал в школе. Но большую часть времени – в краеведческом музее и потом в институте «Укрпроектреставрация». Этот институт – это научно-практическое заведение, которое разрабатывало планы реставрации, восстановления, ремонта различных архитектурных, исторических, археологических памятников. Эта организация имела большие контакты с нашими археологами, с Крымским отделением института археологии и с нашим университетом.

Ваша роль в чём заключалась, Вы всё-таки не реставратор, не архитектор?

Моя роль была очень интересной. Для того, чтобы провести какую-то реставрацию, нужны серьёзные обоснования, надо составить обстоятельный паспорт на данное здание. К примеру, когда это здание построено, при каких обстоятельствах, в чём характерные особенности, кто был в нём, какие негативные последствия, человеческие и исторические, произошли, которые изменили здание, что надо сделать для того, чтобы оно было в первоначальном виде. Поэтому мне приходилось работать в архиве, в фонде «Главного губернского правления

губернского архитектора», в котором отложилось огромное количество материалов о наиболее значимых постройках российского периода Тавриды.

А какой самый запоминающийся или к которому «душа лежала» проект, над которым Вы работали?

Это, безусловно, проект восстановления братского воинского кладбища на Петровской балке. Это кладбище, где захоронено огромное количество людей, по различным данным, 36–37 тысяч. И кладбище это, к сожалению, в период национального беспамяатства было разрушено полностью. Не сохранилось ничего, в конечном итоге уже в послевоенный период там был мотодром ДОСААФ. И это кладбище дало большой толчок мне для изучения нашей истории и всех её составляющих, позитивных и негативных. Мне пришлось работать тогда в нашем архиве, в архивах Москвы и Ленинграда.

Если можно, мы к братскому кладбищу вернёмся чуть позже. Если характеризовать эту эпоху, то в литературе в целом 50–80-е годы чаще даются с негативной окраской, что разрушались храмы, увлекались «ленинианой» и так далее. Но, с другой стороны, мы понимаем, что жизнь не стояла на месте, объекты реставрировались. На Ваш взгляд, в этот период, 50–80-е годы, что можно назвать для Крыма какими-то реальными достижениями, а что являлось ошибкой и провалом?

И опять отталкиваясь от рубежа Великой Отечественной войны, которая в некоторой степени подтолкнула наши правящие группы, руководство коммунистической партии, советское правительство к определённому пересмотру прошлого своей страны. Изменилось отношение к материальным памятникам, которые остались после войны. Поэтому здесь немного надо отличать период, допустим, 20–30-х годов от послевоенного периода.

Какие достижения в этот период были, либо проекты, либо направления деятельности?

Впервые было организовано Общество охраны памятников. Организация была сделана по смешанному принципу. В каждой области была структура постоянно действующих оплачиваемых государством чиновников, в составе городских и районных государственных структур, которые занимались вопросами охраны, сбережения уже на территории своего города или района. При этом широко использовались труд и знания добровольцев. Это были ветераны, пенсионеры и интеллигенция в первую очередь наших вузов, работники музеев, архивов.

У меня всегда по Украинскому обществу вопрос такой возникал. Может, Вы мне сейчас как человек, погружённый в эту тему, проясните. Откуда вдруг появилось такое количество равнодушных людей к проблеме охраны памятников?

Вы знаете, вероятно, здесь сыграло несколько обстоятельств. Первое, всё-таки рубеж Великой Отечественной войны в значительной степени окончил период

нашего национального беспамятства. Наши люди воевали за свою отчизну. С другой стороны, перешагнув границу Советского Союза, они видели, как живут люди в Чехословакии, в Польше, в других странах. Это тоже, мне кажется, был большим толчком для нас. И сама война, она, многое разрушила. Поэтому пришлось восстанавливать иногда с нуля. И при том, не имея какой-то национальной школы, методики восстановления исторических зданий в большом масштабе. Иногда это срабатывало великолепно. И восстанавливали те объекты, которые были разрушены, один к одному. А иногда был большой новострой, который, к сожалению, менял первоначальную структуру того или иного населённого пункта. Это можно сказать частично о Севастополе и о Керчи. Изменялся первоначальный, исторически сложившийся облик города.

У вас есть опыт работы и в Комитете по охране культурного наследия, в структурах, связанных с ним. То есть Вы представляете, как примерно работает или работала машина государственных органов в современный период. На Ваш взгляд, как работали государственные органы в тот момент?

Вы знаете, по-моему, весьма толковое взаимодействие было, если о хорошем говорить. Общественные организации делали то, что было интересно людям – членам этих общественных организаций. Именно на этом интересе, на их равнодушном отношении к историческим, археологическим, архитектурным памятникам и построено всё было.

А какой была роль государственных органов? Выполнение нормативных документов?

Это понятно, выполнение нормативных документов. И, конечно, была определённая помощь транспортом, допустим, или по телевидению передачи делали.

Партийные организации в этот момент как-то помогли?

Они параллельно действовали. Где-то подталкивали, где-то журили. Допустим, на территории какого-то совхоза или колхоза находится памятник, который не в идеальном состоянии. И ты из общества охраны памятников пишешь своему начальнику, сообщая: «Я был там-то, там-то, уже предупреждал этого председателя колхоза или директора совхоза, что надо привести в божееский вид памятник. Уже два месяца прошло». И этого достаточно было. Барбух тогда поднимал трубку телефона, звонил.

Барбух – это глава общества охраны памятников?

Да, это профессионал. Бывший офицер, по-моему, он был полковником или подполковником в отставке. Он в этом отношении как штабист хороший был организатор. И достаточно по телефону позвонить в обком партии лицу, которое курировало вопросы культуры. И всё это решалось. В этом отношении, я бы сказал, гораздо быстрее, чем сейчас.

Вам принадлежит некая пионерская, первопроходческая деятельность в плане защиты наших памятников. Что-то Вы куда-то написали, в какой-то центральный орган, на который был серьёзный отклик. Можете немного поведать?

Без ложной скромности могу сказать, что я был первый. В своё время на меня произвело очень сильное впечатление стихотворение Константина Симонова, которое называлось довольно пространно «Английское военное кладбище в Севастополе». Я поехал туда. И когда приехал, ужаснулся в полном смысле слова: кладбища не было, оно было полностью снесено. Я впоследствии начал заниматься историей его крушения, и выяснил, что оно снесено не только немецкими бомбами и снарядами, поскольку там проходила линия фронта в 1941–1942 годах, но и нашими партийцами. Когда началась холодная войны, поступило указание снести всё, что там осталось.

Я поднял этот вопрос здесь, мне дали знать: «Владимир Николаевич, не лезьте, это не наше дело». Я поступил очень просто, написал письмо Константину Симонову. Сказал, что я такой-то, такой-то, работаю и должен Вас, к сожалению, опечалить, что то кладбище, о котором Вы написали стихотворение перед началом Второй мировой войны, в 1939 году, к сожалению, разрушено, и кратко описал.

А в каком году письмо было?

70-й год, по-моему, это был. И надо отметить, что спустя какое-то время я получил бандероль от Симонова с книжечкой стихов и дарственной надписью: «Владимиру Гурковичу от Константина Симонова на добрую память». А спустя какое-то время, уже месяца, наверное, полтора-два звонок домой. Меня соединили с Симоновым. Он картавил немножко и тем более, видимо, сам волновался. И говорит: «Владимир Николаевич, Вы знаете, я в несколько очень важных инстанций ломился в двери, думаю, что что-то изменится, но меня поражает равнодушие некоторых наших чиновников». Приблизительно так он сказал.

Потом уже впоследствии лёд тронулся. Но тронулся, как говорится, не в то время, не в то место. Но это уже отдельный разговор. Почему? Потому что не кладбище решили восстановить в исторических границах, хотя элементарно могли сделать. Только надо было переселить несколько дачников, компенсировать им строительство новых домов, новых участков. И на историческом месте, там, где кости англичан, появилось бы возрождённое кладбище на Каткартовом холме. Вместо этого поставили памятник в совершенно другом месте, за его пределами, условно, в ста метрах. И привозили туда англичан, показывали, что вот это английское кладбище.

Потом уже после этого пошли ещё по пути глупому. Сделали у дороги Севастополь–Симферополь, при въезде в Севастополь, монумент в честь павших англичан. Но это лишний раз говорит, что если даже в деле охраны памятников за решение какого-то вопроса берутся не специалисты, ничего путного от этого не выходит. Это, слава Богу, я говорю, что эти люди не занимаются в хирургии или в атомной промышленности. Там бы вреда они сделали гораздо больше.

А ещё о статье, которую я написал. Это было в газете «Московские новости». И она была на английском, на французском и других языках, даже на арабском.

Вы написали письмо Симонову и статью в «Московские новости»?

Да.

Вопрос по персоналиям. Кого из архитекторов, археологов, с которыми Вы работали и которые внесли свой вклад в дело охраны памятников, можете назвать? На кого обратить внимание?

Стержню исторических знаний, исторических понятий, исторических подходов, методики самой истории, конечно, больше всего я обязан Сергею Анатольевичу Секиринскому, который тогда был заведующим кафедрой истории Древнего мира и Средних веков. И получилось так, что он сыграл, мне кажется, выдающуюся роль в моём формировании специалиста по изучению памятников Крыма.

Потом, естественно, Веймарн Евгений Владимирович. Он у нас читал историю и методику археологических исследований. И небольшая археологическая практика у меня была, когда учился в институте, которую тоже он возглавлял. И самое главное, что я работал в Бахчисарайском музее, где почти ежедневно сталкивался с Веймарном. Мы говорили на разные вопросы, в том числе о своём, как говорится, наболевшем, о музеях, о памятниках и так далее.

Вы с Александром Германовичем Герценым в одно время работали?

В музее я работал по существу в одно и то же время с Герценым. С ним мне было просто-напросто легко работать. Мы понимали прекрасно друг друга. Я у него работал в институте. Была хоздоговорная тема по исследованию памятников археологии. Это был и Мангуп, и в общем пещерные города Крыма. У нас был экспедиционный мотоцикл, выдавали бензин. Я с Герценым очень много объездил как раз в этот период. И мы ездили по всем пещерным городам, по всем стоянкам, где только можно. Естественно, я фотографировал это. Много фотографий этих объектов есть.

А отметить ещё надо Юрия Сергеевича Воронина. Он бил себя в грудь: «Я – чиновник». И был начальником отдела памятников архитектуры. И, несмотря на то, что некоторые вопросы его не касались, например памятники истории, Воронин занимался и ими. Он сделал очень много. Мы его с Герценым вывезли на кладбище Альминского поле боя, которое разрушено было. Эти памятники не стояли в реестре его департамента. Когда это он всё увидел сразу поехали в колхоз «22-го съезда». Председатель колхоза, по-моему, был из Дагестана. Воронин ему это поведал. И он: «Хорошо, – говорит. – Я всё, что можно в своих полномочиях сделаю». Потом, я точно помню, были какие-то разговоры между Ворониным и людьми, которые приезжали из Бахчисарая. И в конечном итоге проложили туда асфальтированную дорогу, которая идёт от кольца шоссе Евпатория – Севастополь. Сделали стоянку для автобусов, спуск к кладбищу, починили ограду. Она наполовину была разобрана для частного строительства не немецко-фашистскими захватчиками. Здесь я не могу

точно сказать, где заканчивалось финансирование, колхоз финансировал только часть.

Может, Украинское общество тоже?

И Общество там финансировало, и, по-моему, ещё какое-то государственное было финансирование. Это пример, когда совместными усилиями государственных служащих, общественности, партийной организации восстановили. Я горжусь, что это одно из тех немногих дел, которое сделал.

Я знаю, как байку о том, что Вы на мотоцикле объезжали, устанавливали стелы охранные к памятникам в разных местах, которые в некоторых случаях до сих пор сохранились. Как это вам удавалось?

Я даю объяснение. По-моему, идея как-то возникла одновременно: Веймарн, Герцен, Воронин там были. Я не могу сейчас точно сказать, кто первый сказал, что надо сделать такие столбики с аннотационными предупреждающими надписям. Одним словом, была хозрасчётная ремонтно-реставрационная мастерская № 6 Украинского общества охраны памятником истории и культуры. И там разработали проекты этих памятных охранных знаков. Это была приблизительно двух метровой высоты, может, немножко меньше, 1.8 м, стела. В верхней части, на уровне глаз, – металлическая алюминиевая доска, на которой рельефно было написано: «Украинская ССР». Потом была вариация «памятник археологии», «курган», по-моему, вариация ещё «стоянка». А внизу: «Памятник археологии охраняется государством, повреждение карается законом». И мы установили много их, где-то около ста штук.

На чём Вы их возили?

Выдавали транспорт, машину грузовую. И было много таких выездов.

Это Вы как сотрудник реставрационных мастерских делали?

Нет, я тогда уже был не как сотрудник реставрационных мастерских, а как представитель музея.

Давайте к другой немного теме. Наверное, большинство Ваших работ связаны были с памятниками Крымской войны. Это и английское кладбище, и Ваша известная книга по французскому кладбищу, вместе в какой-то степени участвовали в судьбе памятника Евпатории, который Вы долго изучали. В чём интерес был? Почему именно памятники Крымской войны вызывали такой интерес и оживление?

Вы знаете, наверное, здесь опять повторю, я формировался в те годы, когда очень жива была память о Великой Отечественной войне. И жесткость этой войны была мне известна, поскольку все знали, что такое совхоз «Красный». Эти разговоры были ещё задолго до того, когда на 2-м км Николаевского шоссе обнаружили массовые захоронения.

Были живые люди, которые это видели. И люди, которые были в плену, мне рассказывали об ужасах этой войны. О далеко не всегда корректном и рыцарском

отношении противников к нашим воинам. И я начал читать материалы о Крымской войне. Их публиковали ветераны войны, историки, архивисты, которые работали с нашими и иностранными материалами. Я увидел, как отличались эти две войны. Что тогда действительно тоже людей побили видимо-невидимо. Были случаи безобразные где-то, и обирали убитых. Но в целом все солдаты, военнослужащие, военные противоборствующих сил старались придерживаться неписанных человеческих правил ведения войны. Поскольку знали, что если они сегодня начнут скотствовать по отношению врагу, даже мёртвому, завтра это будет производить враг по отношению к нашим воинам. И вот этот, мне кажется, баланс человечности, христианских соображений, христианских добродетелей из простого расчёта, здравого мужского расчёта: «Я не буду делать скотства по отношению к вашим воинам в надежде, что и ваши воины в тяжёлый момент не будут издеваться надо мной». Я так думаю.

Вы много сделали для восстановления братского кладбища в Симферополе. На Ваш взгляд, какие были основные этапы? В 90-е годы его активно восстанавливали, но понятно, что предыстория идёт ещё из 80-х годов. Кто вам помогал в этом движении? С чего возникла идея восстановить это кладбище?

Идея восстановить кладбище возникла у меня, когда увидел, что оно полностью разрушено. И впоследствии, когда я узнал, что разрушено кладбище не мерзкими немецко-фашистскими захватчиками, а нашим народом – строителем коммунизма, мне, конечно, было очень досадно. Я не помню особых каких-то трудностей в восстановлении этого кладбища. По большому счёту не такие были затратные работы: небольшая по размеру, по объёмам часовенка и домик смотрителя. Остальные работы, можно сказать, садово-паркового характера.

Вы стали катализатором этих всех мероприятий или у вас просто возникла идея?

Идея была у меня. Я это сказал Сергею Анатольевичу Секиринскому, другим из общества охраны памятников. В нашем обществе, вернее в отделе учёта охраны памятников работал Тимченко, который был завотделом учёта охраны памятников Крымского краеведческого музея. Этот отдел в начале состоял из двух человек: Столбунов, который курировал археологические памятники, и я – Гуркович, который курировал все исторические памятники. Потом уже – Лачугин, Диму Секиринского пригласили, ещё Чебаненко там работала. А в начале два человека было. И вот эти два человека – это предтеча всего нашего комитета.

Тимченко был участником Великой Отечественной войны, ранен во время боёв на Северном Кавказе, впоследствии служил в Германии в группе советских войск. И это тоже сыграло свою роль: и Великая Отечественная война, и его видение западноевропейской цивилизации. Он видел, как к памятникам архитектурным и историческим относятся в Германии. И где-то вот это экстраполировал и на нашу крымскую землю. Конечно, он не был борец, он такой был, что...

В Вашем понимании, как изменилось отношение к охране памятников сейчас по сравнению с тем, что было 40–50-е? Произошли какие-то изменения в лучшую или худшую сторону, по Вашим ощущениям?

Поскольку я отошёл немножко уже от непосредственной работы, даже в общественном плане, не имею возможность так выезжать на объекты, имею меньше возможность общаться непосредственно с людьми, которые имеют отношение к этому миру.

Но в 90-е годы Вы же активно работали, в 2000-е.

Но я могу сказать, что прогресс есть. И у старых людей обычно такое мнение: «О, в наше время там было лучше. Сейчас не тот народ, и, как говорится, кость не та, и хилые они, и так далее». Я в целом считаю, что сделано и делается, если говорить о Крыме и о Российской Федерации, достаточно много хорошего. Я так считаю.

Вы в своих работах упоминали о таком общественном деятеле и краеведе Льве Кая, какова была его роль в деле охраны памятников?

Вы знаете, он интересный был человек. Он был крымчаком. Сам по специальности инженер, но интересовался историей крымчакского народа, их материальными памятниками, литературой. Будучи пенсионером, неоднократно ездил в Москву работать в архивах, в Ленинград, и, по-моему, ещё в Вильнюс. И он выступал всегда как активист общества охраны памятников не только за сбережение, охрану и изучение памятников своей родной национальности, но и общечеловеческих памятников. Он жертва сталинских репрессий, остался инвалидом, ему тяжело было передвигаться. У него был небольшой мотороллер, на котором он ездил. Только хорошее могу вспомнить об этом человеке.

30.10.2019 г., Симферополь.